

ПРИСЛУШИВАТЬСЯ К СОЦИАЛЬНОМУ МОЛЧАНИЮ

Огромное значение антропологии для восстановления по принципу «сделать лучше, чем было»

Джиллиан Тетт

Когда в 2020 году появились сообщения о том, что ученым удалось далеко продвинуться в создании вакцин против COVID-19, эти новости были с огромным энтузиазмом восприняты политиками и избирателями во всем мире. И это неудивительно: разработка этих вакцин стала триумфом медицины и информатики в XXI веке, повысив шансы на то, что мир победит пандемию.

Однако в 2021 году выяснилось, что все не так просто: помимо того факта, что распределение вакцины оказалось, увы, угрожающе несправедливым, не в последнюю очередь

из-за структур глобальной политической экономики, вакцинация даже в некоторых богатых странах проходит трудно. В чём причина? Культура, которую можно определить как хитросплетение полупризнанных ритуалов, символов, идей, пространственных структур, социальных взаимосвязей и отношений, которые формируют сознание людей, где бы они ни жили. В частности, в таких странах, как Соединенные Штаты, сопротивление вакцинации, или, используя нейтральное выражение, «скептическое отношение» к ней, распространено настолько широко, что это служит преградой усилиям по прекращению пандемии.

И хотя некоторым странам, например Франции, удалось преодолеть первоначальный скептицизм в отношении вакцинации (по крайней мере, до некоторой степени), сам факт, что такие баталии происходят, иллюстрирует важный, но часто игнорируемый фактор, влияющий на то, как в наши дни принимаются политические решения. Для эффективного реагирования на быстро (и даже медленно) меняющуюся проблемную ситуацию недостаточно полагаться на так называемые точные науки, такие как медицина или возможности больших данных. Для этого необходимы также гуманитарные науки, чтобы понять поведение и культуру людей.

Иными словами, это серьезная ошибка — пытаться решать проблемы государственной политики сегодня, используя какой-то один набор интеллектуальных инструментов в пределах узко ограниченного поля зрения. Необходимо также «боковое зрение», чтобы оценить более широкий человеческий контекст и то, как элементы, находящиеся за пределами вашей модели, набора больших данных или научных исследований, могут повлиять на происходящее. Культура в приведенном выше значении этого термина играет важную роль, равно как и окружающая среда и политическая система, причем это не только элементы нашей культуры, которые мы не можем не замечать («шум»), но также те элементы, которые мы склонны игнорировать, потому что они доставляют неудобство, хорошо знакомы нам или слишком сложны, чтобы их обсуждать («молчание»).

Это боковое зрение необходимо нам не только для того, чтобы справляться с пандемиями, но и для решения множества других вопросов, связанных с экономическим развитием и разработкой политики, такими как изменение климата, пенсионное обеспечение и т.п. Пытаться разработать эффективную политику исключительно на технической основе, например, с помощью узко ограниченной экономической модели или с помощью прикладных наук — это все равно что бродить по темному лесу ночью, ориентируясь только по компасу. Независимо от того, насколько технически безупречным может быть ваш инструмент, если смотреть только на него, вы неизбежно споткнетесь о корень дерева. Важно то, что вокруг, то есть контекст.

Как тем, кто определяет политику, выработать такое боковое зрение? Один из способов, который я могла бы предложить, — позаимствовать некоторые идеи из культурной антропологии, области, в которой я получила образование прежде чем стать финансовым журналистом. Некоторым политикам это может показаться странным, учитывая распространенный имидж этой дисциплины как чего-то неопределенного и экзотического: тех, кто занимается этой наукой, считают такими учеными версиями Индианы Джонса, которые проводят время, путешествуя по отдаленным местам и изучая красочные ритуалы, кажущиеся далекими от экономических проблем 21 века.

Однако такой стереотип не просто ошибочен — из-за него оказывается упущенной гигантская возможность. Да, антропо-

логи занимаются изучением человеческой культуры во всем ее великолепном разнообразии. Но они не делают этого снисходительно (в отличие от антропологов начала XIX века, которые, как ни прискорбно, имели расистские, сексистские и империалистические наклонности). Напротив, антропологи XXI века считают, что важно изучать разные культуры с уважением, потому что этот процесс не только дает возможность воспринимать других людей на эмоциональном уровне и ставить себя на их место, что имеет решающее значение в глобально интегрированном мире, но также помогает нам лучше понять нашу собственную культуру, откуда бы мы изначально ни происходили. Это беспроигрышный вариант.

В конце концов, как гласит китайская поговорка, «рыбы воды не видят». Люди не могут четко осознать основные культурные особенности, которые они усвоили из своего окружения, если они неспособны посмотреть на них со стороны и сравнить их с особенностями других людей, то есть «выпрыгнуть из своего аквариума». Погрузившись в жизнь других и испытав легкий культурный шок, как это делают антропологи, вы получите более объективное представление о сильных и слабых сторонах вашего собственного общества и о «социальном молчании». В качестве дополнительного бонуса изучение других культур может познакомить вас с новыми идеями и способами решения проблем. И наконец, что не менее важно: поскольку антропологи склонны смотреть на вещи с низкой точки (то есть снизу вверх, стараясь охватить целостную картину), внимательный взгляд на другие культуры открывает иной вид, чем обзор с высоты птичьего полета (то есть сверху).

Все это звучит абстрактно. Но задумайтесь на секунду, что могло бы произойти, если бы те, кто определяет политику, посмотрели на мир с точки зрения антрополога, когда разразился COVID-19. В некоторой степени правительства западных стран и избиратели не были бы настолько дезориентированы, если бы знали больше о том, как эпидемии распространялись в других культурах. Предположение о том, что такие болезни, как атипичная пневмония, лихорадка Эбола и COVID-19, были проблемами исключительно на другом конце света, в Ухане, или для людей, которые казались такими «странными» или «экзотическими», приводило к опасному самоуспокоению. Правительства западных стран не стали бы столь самонадеянно относиться к своим собственным системам здравоохранения. Если бы можно было взглянуть как изнутри, так и со стороны на то, как на Западе разрабатывались лекарственные средства, распространялась медицинская информация и что делалось для охраны здоровья населения, было бы легче заметить недостатки.

Образ мышления антрополога мог бы помочь правительствам стран Запада извлечь ценные уроки из опыта других регионов. Возьмем, к примеру, маски. Антропологи, работающие в Азии, давно утверждают, что эффективность масок зависит не просто от физических факторов (от того, как ткань способна остановить микробы), само надевание маски является мощным психологи-

ческим стимулом, который напоминает людям о необходимости изменить свое поведение и сигнализирует о том, что человек стремится защитить определенную социальную группу, что чрезвычайно важно во время пандемии. Это предполагает, что политики, пытающиеся вести борьбу с пандемией, должны использовать все возможные сигналы, стимулируя людей к тому, чтобы действовать таким образом, даже если это противоречит западным представлениям об индивидуализме. Но в некоторых странах сначала все происходило совсем не так. В Соединенном Королевстве, например, правительство не поощряло ношение масок на ранней стадии пандемии, и даже после того, как впоследствии оно изменило тактику, премьер-министр Борис Джонсон избегал носить маску во время появления на публике. Хотя отношение к маскам в конце концов изменилось, политики в Великобритании (и других странах), возможно, уделяли бы больше внимания последовательному распространению информации, если бы они знали больше об опыте азиатских стран.

Точно так же правительствам следовало раньше осознать важность культурного контекста, когда они пытались распространять информацию об охране здоровья и влиять на поведение людей, поскольку люди редко думают о риске так, как это делают ученые. Любой, кто хоть что-нибудь знал об Эболе в Западной Африке в 2014 году, хорошо понимал этот момент, поскольку болезнь была побеждена, после допущенных на ранней стадии ошибок, только тогда, когда информацию начали распространять, в большей степени учитывая культурный контекст, а наука о поведении была объединена с антропологией, медициной и информационными технологиями. Приведем один пример: в 2014 году, когда глобальные группы здравоохранения построили первые центры для лечения жертв Эболы, в них были непрозрачные стены, из-за которых семьи заболевших не могли видеть, что происходит с их родными и близкими, а сообщения об Эболе распространялись в таких терминах, которые были непонятны местным жителям. Когда распространение информации стало более продуманным и учитывающим местные условия, а стены лечебных центров стали прозрачными, люди начали доверять врачам. Очень важно прислушиваться к мнениям местного населения.

Некоторые из этих уроков о необходимости учитывать культурные особенности оказались полезными в условиях пандемии COVID-19. Хотя сначала с информацией о необходимости вакцинации выступали почти исключительно ученые, правительства стран, например США и стран Европы (с некоторым опозданием) осознали, что эти «элитарные» сообщения не находят отклика у некоторых людей, и стали привлекать представителей местных сообществ. Но теперь этот урок необходимо применить также для решения множества других задач политики. Изменение климата — это, пожалуй, самый важный пример. Если правительства и ученые не смогут рассказывать населению об экологической ситуации таким образом, чтобы

это находило отклик у представителей разных культур, используя правильные стимулы, они не смогут обеспечить поддержку «зеленой» политики избирателями или убедить людей согласиться изменить поведение, не говоря уже о том, чтобы стимулировать их к взаимодействию на благо других. Нисходящих моделей зеленой политики недостаточно: нужно также посмотреть на вещи с низового уровня и войти в положение других людей, чтобы обеспечить преобразования на справедливой основе и избежать негативной реакции на «зеленые» реформы.

Задумайтесь об отношении к возобновляемым источникам энергии. В глазах городской элиты стран Запада кажется самоочевидным, что такие источники энергии, как ветер и солнце, в моральном отношении превосходят ископаемые виды топлива, такие как уголь. Однако эти привилегированные горожане живут далеко от сельских районов, которые могут прийти в упадок в результате строительства ветряных турбин. Им также не грозит утрата самобытности (и средств к существованию), что может произойти в городке, где закрылась местная угольная шахта, или экономические трудности, которые испытывают малоимущие люди в случае повышения стоимости транспорта. Для того чтобы стратегии борьбы с изменением климата были эффективными, нужно уметь ставить себя в положение других людей и осознавать, что большинство обычных граждан видят мир не так, как инженеры и экономисты.

Поймите меня правильно: я не говорю, что экономисты, врачи, компьютерщики и финансисты должны отказаться от своих инструментов и что культурная антропология — это такая волшебная палочка, передающая мудрость. Как и все интеллектуальные традиции, эта дисциплина имеет свои недостатки, в первую очередь то, что ее понимание трудно масштабировать, а поскольку это в основном качественный, а не количественный взгляд на мир, некоторые вещи может быть трудно донести до сознания людей. Пытаться определить, что такое культура — все равно, что гоняться за мылом в ванне: оно повсюду и при этом нигде.

Вот что самое главное: если мы не учитываем культурные и экологические условия, в которых живут люди, страдают все. И наоборот, если мы учитываем этот контекст в нашем анализе, мы можем создавать более эффективные инструменты политики и более совершенные системы сдержек и противовесов. Главное — это объединить компьютерные, медицинские, экономические и финансовые науки с общественными науками и совместить взгляд с высоты птичьего полета со взглядом снизу. Это поможет нам лучше понять как шум в нашей жизни, так и молчание, и добиться восстановления по принципу «лучше, чем было». **ФР**

ДЖИЛЛИАН ТЕТТ получила образование по специальности культурная антропология, а сейчас возглавляет редакционный совет издания *Financial Times* в США. Она является автором книги *Anthro-Vision: A New Way to See in Business and Life*.